

Летом следующего года мы отметим печальный юбилей — 65 лет начала Великой Отечественной войны. В ее первые месяцы Красная Армия пережила разгром, который иначе как катастрофой не назовешь. Враг пришел на земли, где не было чужеземцев со времен смуты XVII века. Впервые за 300 лет армия не смогла защитить мирную жизнь народа на огромной территории от карельских озер до Волги и Кавказа. Оказалось, что в стране, производившей ежегодно 1,8 млн. винтовок, нечем вооружить армию и ополченцев. Страна, имевшая более 10 тыс. боевых самолетов, не могла защитить воздушные рубежи, а танки, которых было не меньше самолетов, не могли поддержать войска и отбросить врага еще от границ.

Все современные источники пишут о трехкратном превосходстве Красной Армии над вермахтом, но никто не может объяснить толком: почему же наша армия так трагически отступала? "Гладко было на бумаге, но забыли про...". О чем же забыли тогда, как многие историки и сегодняшние политики "забыли" сегодня, убаюкивая нас вариантами ими просчитанного будущего? Не про овраги же в конце-то концов...

ПОКЛОНИТЬСЯ ПРЕДКАМ

Передо мной красноармейская книжка отца, прошедшего войну с первого до последнего дня, красноармейца Мироненко Алексея Федоровича, призванного в ВВС РККА в 1939 году и встретившего войну стрелком-радистом бомбардировщика на аэродроме под Витебском. Хорошая подготовка, возможно, спасла ему жизнь. А возможно, это чистая случайность и везение (в таком случае жизнь моего брата, моя и нашей младшей сестры — тоже чистая случайность, поскольку не выжил бы он — не родились и мы, послевоенные). Кому-то, хотя бы единицам, должно же было повезти в той мясорубке.

Глядя на отцовские награды, из которых действительно боевых лишь медаль и два ордена, и фотографии той поры, войну я вижу несколько иначе, чем о ней принято писать и говорить.

Корю себя за то, что не записал его воспоминания. Думалось: успею. И не успел.

Но странное дело: со временем во мне не притупляется, а лишь растет желание восстановить события тех лет и рассказать об отце и его понимании войны, о его поколении — двадцатилетних из 41-го.

Книжку красноармейца я показал писателю Валентину Солоухину, и Валентин Алексеевич, глядя на фотографию отца, воскликнул: — Ой, какое грустное лицо!

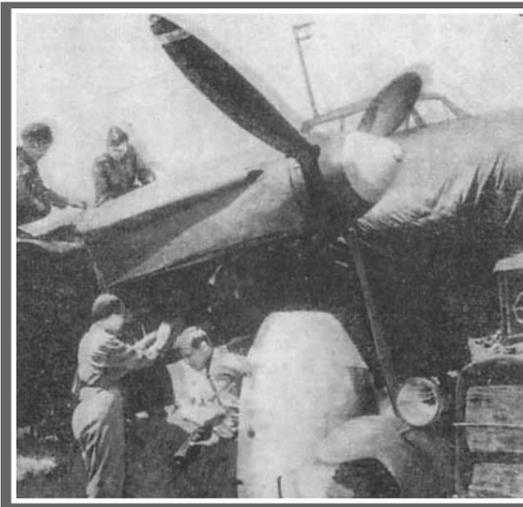
Фотография сделана, видимо, весной или летом 1943 года, примерно в тот период, когда в районе Ельца в спешном порядке формировалась 15-я воздушная армия. Составившие ее костяк авиасоединения были весьма потрепанными в боях, но остатки действительно боевых частей ВВС.

Первая запись в книжке красноармейца о прохождении службы: "241-я особая рота связи, командир радиовзвода, старшина". Подпись — командир роты Дьяконов. Далее идут записи начиная с 1939 года, заверенные печатью "Управл. 315 Авиационной истребительной Рижской дивизии".

О местах прохождения службы сообщается: "80-я авиабаза, красноармеец — 13 сентября 1939 г.; 63-я школа воздушных стрелков-радистов, курсант — 1 января 1940 г.; 43-й авиаполк, стрелок-радист, сержант — 14 февраля 1941 г.; 433-й авиаполк дальнего действия, стрелок-радист, сержант — 5 ноября (или декабря, неразборчиво. — А.М.) 1941 г."

Эти немногочисленные сведения ничего не сообщают непосвященному. А за ними — и героическая, и трагическая одновременно судьба бомбардировочной авиации военной поры.

Дивизий ВВС РККА было немало. Что уж говорить о полках или эскадрильях: отыскать их следы в авиации (или взвода, роты в других родах войск) более чем сложно.

Отец, например, долго и безуспешно искал сведения о 43-м бомбардировочном авиаполке (БАП). Тщетно. В архивах такой полк не значился.

При всей современной журналистской "вооруженности" источниками у меня ушло несколько лет на поиски весьма скудных сведений как о 43-м БАП, так и о 433-м дальнебомбардировочном авиаполке (ДБАП). Самолеты и личный состав первого были уничтожены примерно к августу, а второго — к декабрю 1941 года. Это были полки, не выходявшие из боя в районах Бреста, Бобруйска, Минска, Витебска, Смоленска с июня по декабрь 1941 года. Это были полки, в которых летали на так называемых "устаревших гробах" — самолетах СБ и воздушных "баржах" — самолетах ТБ-3. Далеко не все эти самолеты были уничтожены в первые дни войны, как об этом любят писать. Далеко не все были способны дать отпор врагу. И все же судьба названных полков явно не вписывалась в мемуары послевоенной поры. А ведь их история, при всей ее трагичности, полна великого смысла. Без этих страниц история ВВС слишком отлакирована — до черного или белого "блеска". Как и без истории многих других подразделений, погибавших в бою не за награды и не ради славы.

Любые сведения об экипажах бомбардировщиков вызывали у меня трепетное ожидание: вот вот узнаю что-то о родном человеке. Чужие судьбы разом становились близкими, и меня все более поражала, какой огромный сонм людской, где каждый со своим характером и надеждами погибал в боях с фашистами. Могилы, солдатские братские могилы...

С повзрослевшим сыном мы проехали летом 2005 года от Орла до Белгорода и в город Сумы, "в" Украину, где в Суджанском уезде, ныне Курской области, родился отец, а когда-то жили дед, пра-, и пра-, и прадеды. На всем пути от Орла мы видели огромное число братских могил: где-то стоят обелиски и памятники, где-то скромные звездочки.

Смерть на войне роднит и рядом кладет незнакомых, чужих и живших далеко друг от друга. Мертвые сраму не имут и спросить, праведно ли распорядились их жизнями, не могут. И с нас спросить, праведно ли живем благодаря стольким разом павшим, тоже не могут. А теперь вот — граница, и с той стороны все теперь "самостийное". Даже солдатские могилы. И ветераны войны новые. В почете бывшие бандеровцы. В селе Мирополье Сумской области мне пришлось увидеть невероятное. Такое ни в каком бреду не должно было быть.

А было наяву, и в наши дни. Собравшиеся на улице бабы посоветовали мне к советскому ветерану войны, соседу моей тетки, в дом не заходить.

— Почему? Он же воевал — пять звезд тимуровских на двери. Очень уж, правда, тусклых...

— Да уж, тускло у нас теперь, — вздыхают бабы. — Мы забыты, а он вовсе заброшен, лежит — никак не помрет. Не ходи, уж очень там смердит. Мы по-соседски прибираем его по очереди. А тебе туда не надо.

Горько! Это души смердят у властей, забывших, кому обязаны благополучием своих венценосных тел.

За позорный дележ между двумя славянскими народами — братьями и горько, и смешно.

Въезжаю в село с русской стороны — написано "Мирополье", выезжаю в украинскую глубинку — уже "Миропилля"!

Но сначала надо еще въехать, потому что не только прекрасный белгородский асфальт с той стороны границы обрывается колдобинами и насыпями, которых у нас лет тридцать как нет. В щебень рассыпается и добрососедство, вспаханное чиновничьими запретами.

— Да ты по дороге смерти ехал, — усмеваются миропольцы (или миропилльцы?), — у нас трактора там не ходят. Назад поезжай через Сумы и на Суджу, там дорога лучше будет.

По простоте душевной ехал я, руководствуясь атласом автомобильных дорог советских времен. "Стой!

Сетуя на них, старая учительница из Мирополя показала мне добротный бинокль — за бутылку купила у местного пограничника (их здесь теперь больше, чем трактористов на "самостийных" полях). Смотрит по вечерам на другой, русский, берег речной долины. Это местное развлечение, как на закат солнца смотреть и вспоминать ушедшее.

— Там жизнь, свет есть, машины по ночам ездят и музыка слышна, — объясняет она. — А у нас в десять (у вас это девять) вечера свет отключают.

— Не лихо ли жить по разным часам через речку?

— Лихо, ой лихо! — причитают бабы. — Зачем делились, кто позовил? Мы же все были против!

Назад мы поехали, как посветовали, через Сумы. Дорога получше, но и редкие колдобины позабыли. Судя по Сумам, лихости украинской и сала поубавилось — широкие проспекты советской эпохи разбиты, заасфальтированы лишь крошечка для троллейбусов. Целые городские кварталы обшарпанных стен ждут ремонта. А за счет чего, если огромные машиностроительные заводы, действовавшие в рамках союзной интеграции, теперь простаивают? Не до жиру.

В родовом селе предков Юнаковке огромный храм, в лучшие времена не уступавший по красоте и масштабу храму Василия Блаженного, стоит в потемневших лесах. Построен был на пожалованные князем Румянцевым деньги в благодарность казакам, под водительством местного воеводы Кондрата поддержавшим войска Петра I в Полтавской битве. Отсюда, из поддержки друг друга, и произрастала державность.

— В перестроечные времена начали было восстанавливать, а теперь не до храма, — рассказал на прощание украинский пограничник. — В Сумах в почете памятник атаману Киричевскому, которого царица Елизавета на Соловки отправила, где он и умер ста девятнадцати лет от роду. Но не поумнел. А еще, видишь в стороне, станция свою за шесть миллионов долларов построили на русской газовой трубе. К Судже подъедешь — такую же увидишь.

— Зачем так близко? Это ж бестолковщина.

— Это раньше назвали бы бестолковщиной, а теперь борьба суверенитетов, ездят друг к другу и доказывают, что у соседа счетчики газа неправильно считали. Срам! Еще пару миллионов потратят, пока договорятся. Вот и дивись, — махнул он рукой вокруг, — поделили всё, бестолочи!

Сын мой больше помалкивал и уже на бензозаправке в Курске, глядя на ящик с песком, сказал: "У нас написано "не курить", у них — "ны пыхаты". На кого не пыхаты, а если пыхаты, то чем?" — и засмеялся. Есть в моем русском молчине капля украинского юморка — "трохи для сэбэ", но есть.

Отец однажды пошутил, что разучился думать на украинском языке при первой же бомбежке — смертельная опасность быстро выучила единению. Интересно бы узнать: нынешние украинские националисты в этом факте тоже увидели бы "происки москалей", унижающих украинскую "мову"? Весь мир озабочен расширением языкового единства и развитием одновременно национальных культур. На Западе основой стал английский язык, в славянском мире — русский. Это позволяет избежать лишнего барьеров в экономическом развитии национальных экономик. В Беларуси, Казахстане, а теперь и Средней Азии это понимают, новые власти Украины — нет.

А жаль!

Алексей МИРОНЕНКО.